

БИБЛИОТЕКА
Императорского Николаевскаго
8 - НОЯБ 1910 № 242
Почтовый ящик 8 по ноябрю

1910 года.

A black and white portrait of an elderly man with a long white beard, wearing a dark suit and holding a walking stick. The man is seated and looking directly at the camera. The background is a plain, light-colored wall. The image is framed by a dark border.

настополюских расказах», оконча-
тельно укріпивши їх знатність молод-
ого писателя, как «одной из глав-
ных надежд» нового литературного
поколения. Эти надежды сбываются
вплоть и притом, кь, такому

Мы не говоримъ уже о Толстомъ, какъ о несравненномъ художникѣ давленіи литературныя шедевры—время для этого впереди.

К. Г.

Люди-братья!

Люди-братья! Передъ лицомъ великаго горя и обращаясь къ намъ съ мольбой: долей правду и злобу!

Питъ, не невозможно требую я и не повторю съ безнадёжной тоской слова великихъ и малыхъ утопистовъ...

Не о вѣчномъ мирѣ прошу, а только о перемирии въ дни траура и мировой глубокой скорби.

Умеръ Толстой...

Мировое, необъятное горе вѣстало въ этихъ душахъ. Мы ждали, мы готовились къ нему, но потому, что въ каждой тропетно ждущей душѣ теплилась искра надежды, —горе пришло внезапно, и отъ края до края земного, гдѣ бы только ни свѣтились отблески разума людскаго, —магнуло черными крылами:

— Умеръ Толстой!..

Къ этой темѣ и къ этому имени мы еще возвращались несчетное число разъ. Ибо, освободившись отъ внешней оболочки, великій духъ учителя жизни останется съ нами и въ насъ. И обойти или забыть Толстого, пока бѣдетъ человѣческая мысль, невозможно, какъ невозможно жаждающему не стремиться къ источнику чистоты.

И, пожалуй, не надо много словъ сейчасъ, въ первые минутные моменты нахлынувшего горя.

Оно таково, что словами его не изжить.

Что то неужное, что то лишнее будетъ звучать въ нихъ, съ какою бы страстью они не были сказаны, въ какую бы талантлиую, даже гениальную форму они ни были бы облечены.

— Умеръ Толстой!..

Развѣ недостаточно только этихъ двухъ камешковъ свалившихся на сердце міра словъ?..

Но вокругъ имени великаго старца, при жизни его, кипѣла такая вражда, такая свирепая клубящаяся ссора, злоба, съ такой страшной яростью велась атака черной рати...

И развѣ теперь, предъ лицомъ смерти, въ время прекратить атаку и въ время говорить, кричать, молить объ этомъ?

Къ маленькой, въ лапни черномышья равнины застреленной станиці прикована наглядя всего міра. Какъ пройдутъ великія похороны, какъ отнесется къ міровой печали страна, которой посвятилось дать міру такого человека; какъ родная земля приметъ прахъ великаго сына?—благополучное разрѣшеніе этихъ вопросовъ отразится не только на самочувствіи или тщеславіи согражданъ, но и на культурномъ престижѣ Россіи.

Безъ преувеличенія можно сказать, что мы переживаемъ тяжелые дни испытанія.

Или побѣда мира и любви, или духовная Пусма, горная вѣхъ Пусмитъ.

Толстой—слизь своей страны, наиболѣе близкій ей по духу, но не будемъ забывать того, что это поличина не национальная, а переросшая всѣ грани, искусственно отдѣляющихъ людей другъ отъ друга. Или—величина мировая, и горе странъ, если найдутся въ ней злые силы, не останавливающаяся размахивать своей враждой и передъ лицомъ такой смерти! Миръ не проститъ ей оскорбленія памяти того, кто принадлежалъ ему.

Пройдутъ траурные дни, жизнь вновь потянется безвѣстной однообразной чередой и снова неизбежно «человѣкъ человеку станетъ ноль».

И снова вѣковую толщу вражды и злобы будутъ лишь рѣдкой искрой прорываться учителя жизни, апостолы любви и братства.

Не каждый вѣкъ они рождаются и тѣмъ бережливѣ къ нимъ и памяти ихъ должны относиться современники, счастливые уже тѣмъ, что среди нихъ горели эти искры.

И если мы слабы, если неспособны понять и воспринять великія слова любви, пусть хотя на мигъ, когда гаснетъ эта свѣтлая искра, когда уходитъ изъ насъ апостолъ любви и неспрошенныя забудутъ правду, противъ обиды другъ другу и, какъ и подобаетъ сынамъ страны, данной міру великаго гражданина, съ честью и достоинствомъ отдадимъ послѣдній долгъ его праху.

Люди—братья! Передъ лицомъ великаго горя и обращаясь къ намъ съ мольбой: долей правду и злобу! Вѣдъ умеръ Толстой.

П. Медвѣдевъ.

Смерть Л. Н. Толстого.

(Отъ нашего корреспондента).

АСТАПОВО, 7 ноября. Ходилъ поклониться праху Толстого: небольшая комната въ полуразрушенномъ, отслужившемъ много, простомъ желѣзномъ кроватѣ; восточная рука скрещенная, строгое выраженіе лица, съ застывшимъ печально-безконечной скорбью; глаза ввали, бѣлая борода. У изголовья беззвучно рыдаетъ Софья Андреевна и присутствующіе.

Скучилъ Гибзбургъ снимаетъ съ лица маску.

АСТАПОВО, 7 ноября, 2 час. дня. Друзья Л. Н. Толстого предположили вѣнчать домъ, гдѣ умеръ великій писатель, и привести этого дома въ даръ нации. Обстановку, кровать, постель Толстого останутся въ неприкосновенности.

Ушла Александра Львовна и Церетковъ.

Матренкинскій сопровождаетъ гробъ до ст. Ясенки.

Пріѣхавъ епископъ тульскій и привезъ Толстому письмо отъ синода, но, узнавъ о смерти Льва Николаевича, проследовалъ дальше.

АСТАПОВО, 7 ноября, 3 ч. 15 мин. дня. Состоялась гражданская панихида, пѣли «вѣчную память», участвовала масса народу; панихида предшествовала рабочей. Со станиц Троицкова выдѣлается въстрѣчать тѣло специальный траурный вагонъ и начальники движеній Намумовъ.

Ряз.-ур. д. дорога, по инициативѣ Матренкинскаго, возлагаетъ на гробъ вѣнчанный изъ Москвы раскошный вѣнокъ.

Похороны 9-го.

АСТАПОВО, 7 ноября, 8 час. 57 м. дня. По распоряженію Матренкинскаго, рѣшено оставить неприкосновеннымъ домъ, въ которомъ скончался Толстой. Съ урновъ останковъ, домъ запертъ и на

дверяхъ прибитъ доска съ надписью: 7 ноября 1910 г. здѣсь скончался Левъ Толстой.

И. Леоновъ.

(Отъ С.-Пет. Тел. Агентства).

АСТАПОВО, 7-го ноября. Фраза «о миллионѣхъ людей», сообщенная вчера, была послѣдними связанными словами, затѣмъ ужесточившагося была непонятна. Значитъ реагировать на свѣтъ до самой кончины, что указываетъ, что Толстой былъ въ сознании въ моментъ смерти.

АСТАПОВО. На обѣдѣ, отслуживъ въ полевой церкви, присутствовала вдова Толстого.

Приблизъ и обѣдалъ епископъ Нарвскій. Панихида съ прахомъ Льва Николаевича отбудетъ завтра въ Икону Полюну въ 3 часа дня.

Сегодня нахлыло еще много народу. На станиці находится губернаторъ и управляющій дорогой.

Порядокъ похоронъ.

АСТАПОВО. Прахъ Толстого лежалъ подъ простыней, типъ не панихида. Покойникъ успѣлъ выразить свою волю—хоронить безъ обрядовъ, просто; вѣнокъ и цвѣтовъ не возлагать.

Прахъ будетъ перевезенъ въ Икону Полюну черезъ Горбачево.

АСТАПОВО. Въ 9 час. 10 мин. наци пропущены въ праху Толстого. У изголовья сидѣла вдова покойнаго.

Всѣ ставшіеся посетители собрались въ домъ.

Друзья покойнаго возбудили вопросъ о приобщеніи въ национальную общность дома, въ которомъ скончался Толстой.

Траурный поѣздъ будетъ состоять изъ двухъ вагоновъ: на первомъ похороны, на второмъ похороны.

Предполагалось панихида не со столами.

АСТАПОВО. Во вторникъ, въ 6 ч. утра, тѣло Льва Николаевича будетъ привезено на станицу Зайска и въ тотъ-же день—продано землѣ въ Икону Полюну.

Тѣло, лежащее еще на кровати, было развѣшено фотографировать съѣзжающимъ фотографамъ—любителямъ и профессионаламъ.

Собранный въ комнату публичной школы «вѣчная память».

Въ московскихъ газетахъ находимъ новую подробность о предсмертныхъ минутахъ Л. Н. Толстого и сопутствовавшихъ имъ событіяхъ.

5 ноября въ Астапово привезли изъ Москвы болѣе удобную кровать, для того, чтобы поставить новую кровать, болѣе выносливую на короткое время въ комнату. Комнату вымыли, вычистили отъ пыли, тщательно проветривали, убралъ мебель изъ стѣнъ картины. Когда Льва Николаевича перенесли въ другую комнату, онъ стоялъ. Впрочемъ, въ послѣднее время онъ болѣе часто стоялъ.

У постели больного развѣсился тротуарный стулъ. Вечеромъ, привезли подушку и халатъ, привезенные изъ Иконы Полюны. Левъ Николаевичъ узналъ подушку, закончилъ, что привезъ ее, ему сказали, что привезла Татьяна Львовна. Тогда Левъ Николаевичъ пожелалъ ее видѣть.

— Среди дня, когда больной очень страдалъ икотой, Татьяна Львовна, нагнувшись къ нему, спросила: — Тебѣ очень плохо? — Левъ Николаевичъ отвѣтилъ: — Нѣтъ, все хорошо! — Другой разъ, когда больной затихъ, Татьяна Львовна спросила: — Тебѣ лучше? — Левъ Николаевичъ сказалъ въ отвѣтъ: — Le mieux est l'ennemi de bien (лучшее—врагъ хорошаго).

— Послѣднее, что Левъ Николаевичъ диктовалъ связано 4-го и 5-го ноября касалось смертной казни. (Остальное—аффирмации, повидному, лишние ассоціаціи).

Варсопій въѣхавъ, что онъ съ другими братьями ѣхалъ на богомолье и, узнавъ о тяжелой болѣзни графа Льва Николаевича, остановился въ Астаповѣ, и желалъ бы повидаться съ больнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ слышалъ, будто графъ, будучи въ Оптиной пустыни, направились къ нему въ дѣсь, но не дошелъ. Смыслъ, опасаясь возмущенія больного, признала свиданіе невозможнымъ.

Епископъ Нарвскій о свиданіи съ Л. Н. Толстымъ.

Надежды иерарховъ и другихъ лицъ, —говоритъ «Р. Сл.»—что 5-го ноября получавъ какъ-либо благоприятный свѣдѣніи изъ Оптиной пустыни, не оправдались. Между тѣмъ, въ рукахъ свѣтлаго синода лежалъ докладъ тульскаго преосвященнаго Паренія о его посѣщеніи Иконы Полюны. Хотя по вчерашнему засѣданію свѣтлѣйшій синодъ не нашелъ возможнымъ свѣтъ свое отлученіе съ Толстого на основаніи этого доклада, тѣмъ не менѣе, тульская церковная власть вновь рѣшила подвергнуть этотъ докладъ обзвѣженію и съ этой цѣлью постановила вернуть его изъ канцеляріи синода. Докладъ этотъ содержитъ подлѣ большаго секретности, и лишь немногіе изъ преосвященнаго имѣли возможность ознакомиться съ нимъ. Синодальный инспекторъ В. М. Скворцовъ ознакомился съ докладомъ непосредственно отъ епископа Паренія.

Корреспонденту «Р. Сл.» В. М. Скворцовъ сообщилъ слѣдующее: — При обзорѣ своей епархіи епископъ Пареній посѣдилъ сдѣла школу въ сѣдѣемъ съ мѣсяцемъ Толстого сѣдѣ. Когда преосвященный пришелъ въ школу, учительница сообщила ему, что Левъ Николаевичъ только сейчасъ ушелъ отсюда. «Онъ знаетъ о нашемъ намѣреніи посѣтить насъ и долго ждалъ насъ здѣсь, но не могъ дождаться. Уходя отсюда, Левъ Николаевичъ сказалъ, что онъ радъ бы былъ видѣться съ нами». Слова То-

дверяхъ прибитъ доска съ надписью: 7 ноября 1910 г. здѣсь скончался Левъ Толстой.

И. Леоновъ.

(Отъ С.-Пет. Тел. Агентства).

АСТАПОВО, 7-го ноября. Фраза «о миллионѣхъ людей», сообщенная вчера, была послѣдними связанными словами, затѣмъ ужесточившагося была непонятна. Значитъ реагировать на свѣтъ до самой кончины, что указываетъ, что Толстой былъ въ сознании въ моментъ смерти.

АСТАПОВО. На обѣдѣ, отслуживъ въ полевой церкви, присутствовала вдова Толстого.

Приблизъ и обѣдалъ епископъ Нарвскій. Панихида съ прахомъ Льва Николаевича отбудетъ завтра въ Икону Полюну въ 3 часа дня.

Сегодня нахлыло еще много народу. На станиці находится губернаторъ и управляющій дорогой.

Порядокъ похоронъ.

АСТАПОВО. Прахъ Толстого лежалъ подъ простыней, типъ не панихида. Покойникъ успѣлъ выразить свою волю—хоронить безъ обрядовъ, просто; вѣнокъ и цвѣтовъ не возлагать.

Прахъ будетъ перевезенъ въ Икону Полюну черезъ Горбачево.

АСТАПОВО. Въ 9 час. 10 мин. наци пропущены въ праху Толстого. У изголовья сидѣла вдова покойнаго.

Всѣ ставшіеся посетители собрались въ домъ.

Друзья покойнаго возбудили вопросъ о приобщеніи въ национальную общность дома, въ которомъ скончался Толстой.

Траурный поѣздъ будетъ состоять изъ двухъ вагоновъ: на первомъ похороны, на второмъ похороны.

Предполагалось панихида не со столами.

АСТАПОВО. Во вторникъ, въ 6 ч. утра, тѣло Льва Николаевича будетъ привезено на станицу Зайска и въ тотъ-же день—продано землѣ въ Икону Полюну.

Тѣло, лежащее еще на кровати, было развѣшено фотографировать съѣзжающимъ фотографамъ—любителямъ и профессионаламъ.

Собранный въ комнату публичной школы «вѣчная память».

Въ московскихъ газетахъ находимъ новую подробность о предсмертныхъ минутахъ Л. Н. Толстого и сопутствовавшихъ имъ событіяхъ.

5 ноября въ Астапово привезли изъ Москвы болѣе удобную кровать, для того, чтобы поставить новую кровать, болѣе выносливую на короткое время въ комнату. Комнату вымыли, вычистили отъ пыли, тщательно проветривали, убралъ мебель изъ стѣнъ картины. Когда Льва Николаевича перенесли въ другую комнату, онъ стоялъ. Впрочемъ, въ послѣднее время онъ болѣе часто стоялъ.

У постели больного развѣсился тротуарный стулъ. Вечеромъ, привезли подушку и халатъ, привезенные изъ Иконы Полюны. Левъ Николаевичъ узналъ подушку, закончилъ, что привезъ ее, ему сказали, что привезла Татьяна Львовна. Тогда Левъ Николаевичъ пожелалъ ее видѣть.

— Среди дня, когда больной очень страдалъ икотой, Татьяна Львовна, нагнувшись къ нему, спросила: — Тебѣ очень плохо? — Левъ Николаевичъ отвѣтилъ: — Нѣтъ, все хорошо! — Другой разъ, когда больной затихъ, Татьяна Львовна спросила: — Тебѣ лучше? — Левъ Николаевичъ сказалъ въ отвѣтъ: — Le mieux est l'ennemi de bien (лучшее—врагъ хорошаго).

— Послѣднее, что Левъ Николаевичъ диктовалъ связано 4-го и 5-го ноября касалось смертной казни. (Остальное—аффирмации, повидному, лишние ассоціаціи).

Варсопій въѣхавъ, что онъ съ другими братьями ѣхалъ на богомолье и, узнавъ о тяжелой болѣзни графа Льва Николаевича, остановился въ Астаповѣ, и желалъ бы повидаться съ больнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ слышалъ, будто графъ, будучи въ Оптиной пустыни, направились къ нему въ дѣсь, но не дошелъ. Смыслъ, опасаясь возмущенія больного, признала свиданіе невозможнымъ.

Епископъ Нарвскій о свиданіи съ Л. Н. Толстымъ.

Надежды иерарховъ и другихъ лицъ, —говоритъ «Р. Сл.»—что 5-го ноября получавъ какъ-либо благоприятный свѣдѣніи изъ Оптиной пустыни, не оправдались. Между тѣмъ, въ рукахъ свѣтлаго синода лежалъ докладъ тульскаго преосвященнаго Паренія о его посѣщеніи Иконы Полюны. Хотя по вчерашнему засѣданію свѣтлѣйшій синодъ не нашелъ возможнымъ свѣтъ свое отлученіе съ Толстого на основаніи этого доклада, тѣмъ не менѣе, тульская церковная власть вновь рѣшила подвергнуть этотъ докладъ обзвѣженію и съ этой цѣлью постановила вернуть его изъ канцеляріи синода. Докладъ этотъ содержитъ подлѣ большаго секретности, и лишь немногіе изъ преосвященнаго имѣли возможность ознакомиться съ нимъ. Синодальный инспекторъ В. М. Скворцовъ ознакомился съ докладомъ непосредственно отъ епископа Паренія.

Корреспонденту «Р. Сл.» В. М. Скворцовъ сообщилъ слѣдующее: — При обзорѣ своей епархіи епископъ Пареній посѣдилъ сдѣла школу въ сѣдѣемъ съ мѣсяцемъ Толстого сѣдѣ. Когда преосвященный пришелъ въ школу, учительница сообщила ему, что Левъ Николаевичъ только сейчасъ ушелъ отсюда. «Онъ знаетъ о нашемъ намѣреніи посѣтить насъ и долго ждалъ насъ здѣсь, но не могъ дождаться. Уходя отсюда, Левъ Николаевичъ сказалъ, что онъ радъ бы былъ видѣться съ нами». Слова То-

дверяхъ прибитъ доска съ надписью: 7 ноября 1910 г. здѣсь скончался Левъ Толстой.

И. Леоновъ.

(Отъ С.-Пет. Тел. Агентства).

АСТАПОВО, 7-го ноября. Фраза «о миллионѣхъ людей», сообщенная вчера, была послѣдними связанными словами, затѣмъ ужесточившагося была непонятна. Значитъ реагировать на свѣтъ до самой кончины, что указываетъ, что Толстой былъ въ сознании въ моментъ смерти.

АСТАПОВО. На обѣдѣ, отслуживъ въ полевой церкви, присутствовала вдова Толстого.

Приблизъ и обѣдалъ епископъ Нарвскій. Панихида съ прахомъ Льва Николаевича отбудетъ завтра въ Икону Полюну въ 3 часа дня.

Сегодня нахлыло еще много народу. На станиці находится губернаторъ и управляющій дорогой.

Порядокъ похоронъ.

АСТАПОВО. Прахъ Толстого лежалъ подъ простыней, типъ не панихида. Покойникъ успѣлъ выразить свою волю—хоронить безъ обрядовъ, просто; вѣнокъ и цвѣтовъ не возлагать.

Прахъ будетъ перевезенъ въ Икону Полюну черезъ Горбачево.

АСТАПОВО. Въ 9 час. 10 мин. наци пропущены въ праху Толстого. У изголовья сидѣла вдова покойнаго.

Всѣ ставшіеся посетители собрались въ домъ.

Друзья покойнаго возбудили вопросъ о приобщеніи въ национальную общность дома, въ которомъ скончался Толстой.

Траурный поѣздъ будетъ состоять изъ двухъ вагоновъ: на первомъ похороны, на второмъ похороны.

Предполагалось панихида не со столами.

АСТАПОВО. Во вторникъ, въ 6 ч. утра, тѣло Льва Николаевича будетъ привезено на станицу Зайска и въ тотъ-же день—продано землѣ въ Икону Полюну.

Тѣло, лежащее еще на кровати, было развѣшено фотографировать съѣзжающимъ фотографамъ—любителямъ и профессионаламъ.

Собранный въ комнату публичной школы «вѣчная память».

Въ московскихъ газетахъ находимъ новую подробность о предсмертныхъ минутахъ Л. Н. Толстого и сопутствовавшихъ имъ событіяхъ.

5 ноября въ Астапово привезли изъ Москвы болѣе удобную кровать, для того, чтобы поставить новую кровать, болѣе выносливую на короткое время въ комнату. Комнату вымыли, вычистили отъ пыли, тщательно проветривали, убралъ мебель изъ стѣнъ картины. Когда Льва Николаевича перенесли въ другую комнату, онъ стоялъ. Впрочемъ, въ послѣднее время онъ болѣе часто стоялъ.

У постели больного развѣсился тротуарный стулъ. Вечеромъ, привезли подушку и халатъ, привезенные изъ Иконы Полюны. Левъ Николаевичъ узналъ подушку, закончилъ, что привезъ ее, ему сказали, что привезла Татьяна Львовна. Тогда Левъ Николаевичъ пожелалъ ее видѣть.

— Среди дня, когда больной очень страдалъ икотой, Татьяна Львовна, нагнувшись къ нему, спросила: — Тебѣ очень плохо? — Левъ Николаевичъ отвѣтилъ: — Нѣтъ, все хорошо! — Другой разъ, когда больной затихъ, Татьяна Львовна спросила: — Тебѣ лучше? — Левъ Николаевичъ сказалъ въ отвѣтъ: — Le mieux est l'ennemi de bien (лучшее—врагъ хорошаго).

— Послѣднее, что Левъ Николаевичъ диктовалъ связано 4-го и 5-го ноября касалось смертной казни. (Остальное—аффирмации, повидному, лишние ассоціаціи).

Варсопій въѣхавъ, что онъ съ другими братьями ѣхалъ на богомолье и, узнавъ о тяжелой болѣзни графа Льва Николаевича, остановился въ Астаповѣ, и желалъ бы повидаться съ больнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ слышалъ, будто графъ, будучи въ Оптиной пустыни, направились къ нему въ дѣсь, но не дошелъ. Смыслъ, опасаясь возмущенія больного, признала свиданіе невозможнымъ.

Епископъ Нарвскій о свиданіи съ Л. Н. Толстымъ.

Надежды иерарховъ и другихъ лицъ, —говоритъ «Р. Сл.»—что 5-го ноября получавъ какъ-либо благоприятный свѣдѣніи изъ Оптиной пустыни, не оправдались. Между тѣмъ, въ рукахъ свѣтлаго синода лежалъ докладъ тульскаго преосвященнаго Паренія о его посѣщеніи Иконы Полюны. Хотя по вчерашнему засѣданію свѣтлѣйшій синодъ не нашелъ возможнымъ свѣтъ свое отлученіе съ Толстого на основаніи этого доклада, тѣмъ не менѣе, тульская церковная власть вновь рѣшила подвергнуть этотъ докладъ обзвѣженію и съ этой цѣлью постановила вернуть его изъ канцеляріи синода. Докладъ этотъ содержитъ подлѣ большаго секретности, и лишь немногіе изъ преосвященнаго имѣли возможность ознакомиться съ нимъ. Синодальный инспекторъ В. М. Скворцовъ ознакомился съ докладомъ непосредственно отъ епископа Паренія.

Корреспонденту «Р. Сл.» В. М. Скворцовъ сообщилъ слѣдующее: — При обзорѣ своей епархіи епископъ Пареній посѣдилъ сдѣла школу въ сѣдѣемъ съ мѣсяцемъ Толстого сѣдѣ. Когда преосвященный пришелъ въ школу, учительница сообщила ему, что Левъ Николаевичъ только сейчасъ ушелъ отсюда. «Онъ знаетъ о нашемъ намѣреніи посѣтить насъ и долго ждалъ насъ здѣсь, но не могъ дождаться. Уходя отсюда, Левъ Николаевичъ сказалъ, что онъ радъ бы былъ видѣться съ нами». Слова То-

На вопросъ Софьи Андреевны: «Гдѣ же у тебя теперь эта икона?»—Левъ Николаевичъ отвѣтилъ: «Она у меня хранится и донынѣ».

По мнѣнію епископа Паренія, несомненно, въ настоящее время Левъ Николаевичъ вовсе не такъ враждебно относится къ церкви, какъ раньше. Если бы тѣ люди, которые окружаютъ его, были иначе настроены къ церкви, несомненно, Левъ Николаевичъ вернулся бы въ ея лоно. По В. Г. Чертову имѣетъ большое вліяніе на писателя и рѣшительно все, что Л. Н. пишетъ, онъ предварительное читаетъ Чертову. А Чертовъ, по мнѣнію епископа Паренія, враждебно настроенъ къ православной церкви и все время держитъ Льва Николаевича въ своихъ рукахъ.

Вотъ, по словамъ В. М. Скворцова, сущность бесѣды, о которой такъ много говорятъ въ высшихъ духовныхъ кругахъ.

Интересное сообщеніе находимъ въ «Рассвѣтѣ Урѣ» отъ петербургскаго корреспондента этой газеты.

Трагедія великаго писателя земли русской вызываетъ огромный интересъ въ духовныхъ кругахъ.

То и дѣло въ журналистскихъ подходить депутаты и справляются о послѣднихъ извѣстіяхъ о Л. Н. Толстомъ. Особенно живо обсуждается предпринятые синодомъ шаги и телеграммы митрополита Антонія Толстому.

Депутатъ Каруцкій считаетъ вѣдѣтельство синода вполнѣ послѣдовательнымъ. Церковь имѣетъ не только право, но и обязанность обратиться къ Толстому съ послѣдними убѣжденіями вернуться въ лоно православной церкви. Другое дѣло—насколько отъважностью здоровья Толстого предпринятые высшей іерархіей шаги.

Духовное духовство, можно сказать, со жгущимъ интересомъ слѣдитъ за судьбой Толстого. Со словъ епископа Кіевскаго передается, что толкъ о перемѣнѣ въ религіозномъ настроеніи Л. Н. и о возможности возвращеніи его въ лоно православной церкви имѣютъ подлѣ собою некоторую почву. Для высшей церковной іерархіи нѣтъ ничего неслыханнаго послѣ лѣтней бесѣды одного изъ епископовъ съ Л. Н. Толстымъ, на смыслъ обращенія Толстого духовное духовство возлагаетъ на тульскаго архіерея и на графиню Софью Андреевну.

По словамъ духовныхъ священниковъ, возвращеніе Л. Н. въ лоно православной церкви было бы для послѣдней огромнымъ торжествомъ и этимъ оправдывалось усиленіе высшей іерархіи. Въ случаѣ благоприятнаго, какъ выражаются священники, исхода, крича, синодъ не будетъ настаивать на молотъ ритуальномъ обрядѣ, на публичномъ отреченіи Л. Н. Толстого отъ своихъ заблужденій и увѣствованіи его причастіемъ въ православную общину.

По словамъ одного изъ видныхъ националистовъ, въ синодальныхъ кругахъ давно уже толкуютъ о возможномъ возвращеніи Л. Н. Толстого въ лоно церкви, «въ противномъ случаѣ»,—сказалъ националистъ,—телеграмма Антонія была бы,—прости за грубое выраженіе, навязчивость, которую трудно было бы оправдать».

Будетъ ли разрѣшено молиться за Толстого?

Съ этимъ вопросомъ корреспондентъ «Р. Сл.» обратился въ одному изъ кѣвскихъ преосвященныхъ.

— По опредѣленію синода, —отвѣтилъ преосвященный,—Толстой еще до отлученія отъ церкви самъ узналъ отъ нея, не признавъ ее каноническую